

сравнительным образцам при решении типичных экспертных задач; согласование содержания базы данных объектов с методиками судебно-экспертного исследования и др.

Развитие учения о цифровизации судебно-экспертной деятельности предполагает, что цифровые базы по объектам для обеспечения доказательственного значения результатов их использования должны иметь нормативное закрепление в технических регламентах, подобно методикам экспертного исследования. Тогда единые цифровые базы данных могут свободно распространяться среди государственных и негосударственных СЭУ, а также на международном уровне в судебно-экспертных учреждениях, входящих в состав Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI)¹.

Многие технологии судебных экспертиз реализуются с помощью измерительно-вычислительных комплексов, включающих современное программное обеспечение, которое позволяет осуществлять хранение, обработку результатов исследований и обмен данными с неограниченным кругом пользователей в экспертном сообществе, в том числе и на международном уровне², что позволяет устранить локальные информационные ограничения. Поэтому учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности должно обуславливать создание основ нормативного регулирования единого введомственного подхода к структуре и содержанию цифровых баз данных по объектам судебной экспертизы с учетом объектов, обладающих особым статусом, а также определение баз данных и АИПС, которые допустимо использовать в негосударственных судебно-экспертных организациях, установление порядка их создания и распространения.

Россинский С.Б.

*д.ю.н., доцент, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
профессор кафедры уголовно-процессуального права*

И ВСЕ-ТАКИ ОН НАУЧНЫЙ СУДЬЯ! (О РОЛИ ЭКСПЕРТА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ)

Начать хотелось бы с очевидного и признаваемого всеми утверждения: производство судебной экспертизы по уголовному делу предполагает обязательность проведения исследования и формулирования экспертных выводов. Этот постулат известен каждому юристу, описан в любом учебнике по уголовному процессу, криминалистике, судебной экспертиологии и прямо вытекает из содержания ч. 1 ст. 80 и ч. 1 ст. 204 УПК РФ. Однако, к великому сожалению, мало кто уделяет должное внимание его глубокому смыслу и подлинному значению.

¹ *Rossinskaya Elena R., Gorshkova Ksentia O., Kirillova Natalia P. and others. Challenges of Forensic-Technical Expertise of Documents for Determining the Terms of Their Production // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 3 (2019 12), pp. 410–437.*

² *Gorshkova K.O., Rossinskaya E.R., Kirillova N.P., Fogela A.A., Kochemirovskaia S.V., Kochemirovsky V.A. Investigation of the new possibility of mathematical processing of Raman spectra for dating documents // Science & Justice, Volume 60, Issue 5, 2020, pp. 451–465.*

В своих работах мы уже неоднократно писали о доказывании как о сложном комплексе познавательных, удостоверительных и аргументационных приемов, осуществляемых различными участниками уголовного судопроизводства в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела¹. При этом предусмотренные УПК РФ следственные (судебные) действия как основные способы собирания доказательств в своей массе выражают исключительно познавательно-удостоверительную сторону доказывания (восприятие и протоколирование накапливаемых сведений, имеющих значение для уголовного дела) — они не предполагают логического анализа накапливаемой информации и формулирования выводов, а сводятся лишь к ее констатации («что вижу, слышу и т. д., то и записываю в протокол»). Тогда как к умственной «обработке» полученных сведений (в частности доказательств), то есть к мыслительным операциям, умозаключениям, выводам следователь и суд переходят несколько позднее — уже после проведения следственных (судебных) действий.

Такой порядок работы с доказательствами в уголовном процессе представляется вполне закономерным и понятным. Ведь следователь и суд — не локальные субъекты доказывания, привлекаемые к участию в деле выполнения разовой роли или решения какой-либо частной задачи. Юрисдикционная природа реализации судебно-следственной власти в российском уголовном процессе предполагает длительность и устойчивость соответствующих правоотношений на протяжении всего уголовного судопроизводства. А это, в свою очередь, предопределяет возможность и даже целесообразность осуществления умственной аргументационно-логической деятельности вне жестких связей с механизмами накопления (восприятия и фиксации) соответствующих сведений. И, таким образом ни следователь, ни суду как постоянным субъектам-распорядителям уголовного судопроизводства нет никакой надобности втискивать свои аргументационно-логические операции, умозаключения и выводы в рамки следственных (судебных) действий, а законодателю — поощрять подобный поход в УПК РФ.

Другое дело — проведение судебной экспертизы. В отличие от следователя и суда эксперт — это локальный участник производства, привлекаемый только для решения разовой задачи, выраженной в установлении посредством специальных знаний определенных обстоятельств и формировании единственного доказательства. По завершении исследований и представления подготовленного им заключения, то есть после выполнения своих публично-правовых обязательств перед органами предварительного расследования либо судом эксперт в целом выбывает из уголовного дела. Сохраняется лишь возможность его дальнейшего кратковременного участия в отдельных правоотношениях, возникающих по факту проведенной судебной экспертизы (например, его последующего допроса в порядке ст. 205 и 282 УПК РФ, возмещения процессуальных издержек в порядке п. 4, 7 ч. 2 ст. 131 УПК РФ и т.д.). В остальном эксперт прекращает какое-либо процессуальное сотрудничество со следователем и судом, перестает быть субъектом, вовлеченным в процесс доказывания. А другие, в том числе и дополнительные, судебно-экспертные исследования, порученные ему по тому же уголовному делу, подразумевают постановку иных разовых задач и порождают возникновение принципиально нового локального раунда право-

¹ См. *Россинский С. Б. Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5. С. 80–87*

отношений, никак не связанных с правоотношениями, касающимися предыдущих экспертиз.

В подобных условиях экспертизу приходится не просто накапливать полезные сведения, а производить готовый и законченный продукт, то есть фрагмент истинного знания, основанный полноценных выводах, сделанных по результатам необходимых научно-практических исследований. Иными словами, в отличие от сугубо познавательного-удостоверительных следственных (судебных) действий *судебная экспертиза является уголовно-процессуальным приемом (действием), включающим как познавательные-удостоверительные, так аргументационно-логические элементы доказывания. А заключение эксперта — единственное доказательство, сформированное не посредством простого восприятия и фиксации полезных сведений, а более сложным путем, предполагающим собственные аргументационно-логические операции данного участника уголовного судопроизводства*¹.

Таким образом, эксперт наделен достаточно серьезными процессуальными возможностями, напоминающими не столько права иных участников уголовного судопроизводства, определенных гл. 8 УПК РФ, сколько юрисдикционные полномочия органов предварительного расследования и суда. Законодатель управомочивает эксперта на оценку фактической доброкачественности объектов экспертного исследования и их совокупной достаточности для формулирования определенных выводов. Иными словами, эксперт — это не просто субъект, оказывающий содействие следователю и суду в накоплении (познании) и фиксации (удостоверении) полезных сведений; в определенной степени он сам является своеобразным установителем (доказывателем) отдельных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и учитываемых при постановлении приговора либо издании иного правоприменительного акта, то есть как бы выступает в той самой роли *научного судьи*, которую более 150 лет назад предрек известный немецкий ученый К. Миттермайер.

В этой связи, необходимо напомнить, что, возникнув во второй половине XIX в. на общем фоне развития физики, химии, медицины, антропологии и других областей знания, идеи об эксперте как о научном судье факта активно продвигались отдельными российскими учеными дореволюционного периода, в частности судебным медиком В. И. Штольцем и юристом Л. Е. Владимировым². Однако в целом указанные позиции не получили необходимой поддержки ни в дореволюционной, ни в советской, ни в постсоветской литературе и были отвергнуты юридическим сообществом, посчитавшим их попытками реставрации теории формальных доказательств как атрибута инквизиционной модели уголовного судопроизводства³.

Причины непринятия большинством ученых идей об эксперте как о научном судье представляются вполне понятными и объяснимыми⁴. Тем не менее согласиться

¹ Об этом также см.: Орлов Ю. К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании: уголовно-процессуальные, криминалистические и логико-гносеологические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. С. 5–6.

² См.: Штольц В. И. Руководство к изучению судебной медицины для юристов. СПб., 1885. С. 31; Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 31.

³ См.: Фоиницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996. С. 286; Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд. М., 1950. С. 274–275; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. С. 434; и др.

⁴ См.: Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005, С. 130.

с подобными позициями достаточно сложно, поскольку они обоснованы далеко не бесспорными аргументами.

Первый аргумент — это вообще классический образчик юридического чванства и высокомерия. Он подразумевает неизвестно когда и кем сформулированную, но очень удобную и выгодную (!) для юридического сообщества догматичную аксиому о приоритете юристов (судей, прокуроров, адвокатов, следователей и т.д.) перед «неюристами» или «недоюристами» (к последним зачастую относят и судебных экспертов) в понимании любых вопросов окружающей реальности и жизнедеятельности¹. В уголовно-процессуальной доктрине как бы по умолчанию презюмируется умение правоприменителя (юриста) проверить и надлежащим образом оценить доброкачественность любого экспертного заключения, а вероятность допускаемых по этим вопросам следственных или судебных ошибок сводится до минимума.

Однако более трезвый и объективный взгляд на рассмотренную проблему тут же приводит к осознанию всей искусственности и несостоятельности данного аргумента, обусловленного лишь снобизмом ортодоксальных правоведов, намерением выдавать желаемое за действительное. В реальности следователи, судьи, другие юридические кадры в подавляющем большинстве весьма и весьма поверхностно ориентируются в судебно-экспертной материи. Знакомство даже самых грамотных и «продвинутых» правоприменителей со специальными знаниями обычно ограничивается только общим пониманием возможностей различных родов и видов судебных экспертиз, а также умением правильно задать эксперту требуемые вопросы. Л. Е. Владимиров обращал на это внимание еще на рубеже XIX–XX вв. Автор совершенно справедливо писал о невероятности постижения судьями в течение одного заседания всех «тайн» науки, то есть о неподготовленности представителей уголовной юстиции к критическим оценкам результатов проведенных экспертных исследований². А на сегодняшний день — после стольких лет стремительного развития науки и техники — между сферами компетентности правоприменителя и судебного эксперта вообще лежит целая пропасть. Кстати, во-многом именно по этой причине законодатель в свое время и ввел в орбиту уголовно-процессуального регулирования еще одного обладателя специальных знаний — специалиста, привлекаемого в том числе для разъяснения суду и сторонам вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Все вышесказанное закономерно предопределяет существование специфических (а точнее, как бы усеченных) прикладных технологий работы с экспертными заключениями, в частности оценки их доброкачественности. Наверное, уже ни для кого не является секретом, что следователи, прокуроры, адвокаты, судьи и т.д. вообще подробно не вникают в содержание проведенных экспертных исследований, а иногда — даже не знакомятся с исследовательской частью заключения, поскольку ввиду отсутствия у них необходимых специальных знаний подобное процессуальное «штудирование» все равно не имеет особого смысла.

Иными словами, несмотря на формальное отсутствие заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК РФ), экспертным заключениям в отличие от иных видов доказательств фактически присуща некая презумпция достоверности. Обстоятельства, вытекающие из результатов экспертных исследований и обличенные в форму экс-

¹ Еще Л. Е. Владимиров писал, что концепция эксперта — научного судьи, не нравится именно юристам. См.: *Владимиров Л. Е.* Указ. соч. С. 237.

² См.: *Владимиров Л. Е.* Указ. соч. С. 237.

пертных выводов, по умолчанию принимаются на веру и считаются установленными (доказанными). При этом они могут быть подвержены сомнению или оспорены сторонами только по сугубо формальным причинам либо путем привлечения «альтернативных» обладателей специальных знаний — специалистов.

Второй аргумент противников подхода к пониманию роли эксперта как научного судьи, зиждется на несовершенстве методов экспертного исследования и дефектах экспертной практики, то есть обуславливается известным латинским афоризмом: «Ergare humanum est» (человеку свойственно ошибаться)¹. На первый взгляд, подобное объяснение представляется совершенно разумным и справедливым. Однако в нем все же есть достаточно слабое звено — вспоминая о различных недостатках, безусловно, свойственных судебно-экспертной практике, юристы почему-то забывают о существовании точно таких же, по крайней мере сопоставимых, проблем, присущих деятельности любых других участников уголовного судопроизводства, умалчивают о вероятности подобных ошибок в части работы самих субъектов уголовной юрисдикции. Иными словами, следователи и судьи как бы наделяются некими чудодейственными способностями, позволяющими избегать любых оплошностей и всегда принимать абсолютно правильные решения.

Конечно, это совершенно не так. Понятно, что правоприменительная практика субъектов уголовной юрисдикции осуществляется на основе тех же самых закономерностей и подвержена тем же самым рискам, которые присущи деятельности любых мыслящих людей, в том числе и судебных экспертов. Собственно говоря, именно данные причины и побуждают законодателя к достаточно жесткой формализации процессуальных действий и решений, подразумевающей наличие юридических гарантий доброкачественности, то есть позволяющей минимизировать указанные риски. Эти же причины вызывают и львиную долю доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем, возникающих в сфере уголовного судопроизводства. К тому же научная добросовестность и надежность результатов экспертных исследований и сформулированных выводов, конечно, далеко не в полной мере, но все-таки хоть как-то обеспечиваются посредством существующих методик, предполагающих определенную алгоритмизацию и унификацию судебно-экспертной практики (в первую очередь, практики государственных судебно-экспертных учреждений, проводящих свои исследования строго в соответствии с ведомственными классификаторами). В тоже время работа органов предварительного расследования и, в особенности, судей, включая принятие процессуальных решений и издание соответствующих правоприменительных актов, изначально зиждется на значительно большей свободе внутреннего усмотрения.

В этой связи гораздо разумнее не пренебрегать особым значением судебной экспертизы для установления обстоятельств уголовного дела, не отрицать роль эксперта как научного судьи, а максимально использовать потенциал традиционных процессуальных механизмов выявления допущенных ошибок. В части судебных решений таковыми механизмами, как известно, являются проверочные стадии уголовного судопроизводства (апелляция, кассация и судебный надзор), в части результатов следственной деятельности — прокурорский надзор, ведомственный контроль, судебный контроль, рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции. Экспертные ошибки, в свою очередь, диагностируются в ходе следственной либо судебной проверки соответствующих заключений (ст. 87 УПК РФ), осуществляемой

¹ Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания ... С. 130

посредством различных процессуальных приемов, в том числе допросов экспертов (ст. 205, 282 УПК РФ). При этом многие формальные изъяны экспертизы, вполне могут быть распознаны и без использования специальных знаний, то есть путем проведения собственной следственной либо судебной «ревизии» представленных документов или полученных сведений (кстати, этим подобная проверка достаточно сильно напоминает механизмы кассационного или надзорного пересмотра уголовного дела, направленные на выявление сугубо формальных нарушений закона и преимущественно выраженные в изучении судом представленных документов). Тогда как допускаемые при производстве судебных экспертиз фактические ошибки в силу вышеуказанных обстоятельств уже не подлежат распознаванию «невооруженным глазом» следователя или судьи. Как отмечалось выше, подобные недостатки могут быть выявлены лишь с помощью «альтернативных» обладателей специальных знаний – специалистов.

И, наконец, третий аргумент противников понимания роли эксперта как научного судьи детерминирован безусловным отрицанием теории формальных доказательств, а если быть точнее, – ее фактическим превращением в некий доктринальный жупел, в абсолютное зло. При таком подходе – гневно писал М. С. Строгович – эксперт возносился бы над судом, а его заключение – являлось бы формальным доказательством, что решительно не допускается уголовно-процессуальным законом¹. Аналогичные взгляды можно встретить и во многих других публикациях.

Вместе с тем все подобные тезисы изначально предопределены неверными логическими посылами, приводящими к неотделимости теории формальных доказательств от инквизиционного типа уголовного процесса. Убежденные противники использования потенциала формальной оценки доказательств почему-то всегда исходили из совершенно неправильно выстроенного категорического силлогизма: «Если при инквизиционном процессе активно использовались теория формальных доказательств, значит она и выражает основную суть данной модели уголовного судопроизводства». Именно поэтому любые идеи, связанные с приданием тем или иным средствам познания заранее установленной юридической силы, традиционно воспринимались как недопустимые попытки реставрации инквизиционных механизмов работы органов уголовной юстиции.

Однако это далеко не так. Теория формальных доказательств вовсе не предопределялась инквизиционным типом уголовного процесса, предполагающим совершенно другие сущностные признаки: гипертрофированную публичность, бесправность обвиняемого, сращивание процессуальных функций, тайность и письменность разбирательства дела и т.д. По крайней мере, еще более ранние частноисковые познавательные технологии (ордалии, очистительные присяги, судебные поединки и др.) при всем подобии состязательности также преимущественно основывались на сугубо формальных подходах к оценке получаемых результатов. А активное использование формальных доказательств в инквизиционном процессе скорее объясняется простым историческим совпадением. Иными словами, расцвет инквизиционной модели уголовного судопроизводства пришелся как раз на время максимального распространения религиозно-философских течений и социальных ценностей, создающих наиболее благоприятные условия для использования соответствующих стандартов доказывания.

¹ Строгович М. С. Указ. соч. С. 434.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что отдельные правила формальной оценки доказательств сохранились и в постинквизиционный период развития уголовного судопроизводства; многие из них находят отражение и в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Конечно, на сегодняшний день указанные формальные подходы, будучи сильно ограниченными современным либеральным принципом свободы оценки средств, применяются весьма выборочно и фрагментарно. Но считать формальные доказательства инквизиционным пережитком и, тем более, относиться к ним как к некоему доктринальному жупелу — значит просто игнорировать установленный законом процессуальный режим, сводящийся к набору юридических формальностей (к процессуальной форме).

Несмотря на очевидные преимущества, действующие стандарты уголовного процессуального доказывания одновременно предполагают и достаточно высокие риски, обусловленные вероятностью непрофессионального и безответственного отношения субъектов уголовной юрисдикции к осуществлению своих дискреционных полномочий, злоупотребления данными полномочиями и т.д. Именно поэтому декларируемая ст. 17 УПК РФ свобода оценки доказательств в реальности носит несколько условный характер и ограничивается целым рядом процедурных формальностей, непосредственно влияющих на возможность дальнейшего использования полученных результатов как полноценных средств уголовно-процессуального доказывания. В части использования специальных знаний таковыми, например, являются случаи обязательного назначения судебной экспертизы (ст. 196 УПК РФ), подразумевающие безусловный приоритет соответствующих экспертных заключений перед иными познавательными ресурсами. Таким образом, сохранившиеся на сегодняшний день элементы формальной оценки доказательств ни в коей мере не противоречат современным представлениям об уголовном судопроизводстве, а напротив, достаточно гармонично вписываются в общую систему уголовно-процессуального регулирования, не позволяя правоприменительной практике перейти разумные границы и скатиться до уровня правовой вездозволности и беспредела.

Все вышесказанное в очередной раз заставляет серьезно задуматься об изменении доктринальных и законодательных подходов к роли эксперта как субъекта доказывания в уголовном судопроизводстве, а именно о перспективах *его наделяния полномочиями научного судьи*, устанавливающего посредством использования специальных знаний отдельные фактические обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. Представляется, что в подобных перспективах не просматриваются никакие особые опасности, ставящие под угрозу доброкачественность результатов предварительного расследования или судебного разбирательства уголовных дел, а связанные с ними неизбежные риски вполне сопоставимы с рисками, присущими еще одному процессуальному механизму, предполагающему делегирование юрисдикционных полномочий — рассмотрению уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Вместе с тем наделяние экспертов столь существенными процессуальными полномочиями неизбежно повлечет необходимость пересмотра государственной политики в отношении организации и кадрового обеспечения судебно-экспертной деятельности. В частности, потребуются принципиально иные подходы к подготовке судебных экспертов, к их обучению и воспитанию как высокопрофессиональных субъектов, обладающих надлежащим уровнем правосознания, правопонимания и ответственности за результаты проводимых исследований и формулируемые выводы.